

КУЛЬТУРСОЦИОЛОГИЯ И СМЫСЛЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ (РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ ДЖЕФФРИ АЛЕКСАНДЕРА «СМЫСЛЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ: КУЛЬТУРСОЦИОЛОГИЯ»)

CULTUROSOCIOLOGY AND THE MEANING OF SOCIAL LIFE (REFLECTING ON JEFFREY ALEXANDER'S BOOK "MEANING OF SOCIAL LIFE: CULTUROSOCIOLOGY")

Ланин Б.А.

Заведующий лабораторией дидактики
литературы ИСМО РАО,
доктор филологических наук, профессор
E-mail: 99bbb@mail.ru

Lanin B.A.

Head of the Laboratory of Didactics of
Literature at the Institute for Content and
Methods of Education of the Russian Academy
of Education, Doctor of Philology, Professor.
E-mail: 99bbb@mail.ru

Ключевые слова: методология, культурология,
социология, культурсоциология

Keywords: cultural sociology, codes, cultural
studies, science studies, sociology

Публикация в России книги Джеффри Александера «Смыслы социальной жизни: культурсоциология» (М.: Праксис, 2013) должна подтолкнуть многих молодых ученых к осмыслению и совершенствованию собственной исследовательской методологии, а педагогов – к серьезному обдумыванию образовательной картины мира.

...Иногда наука рождается в буфете. Профессора обсуждают необычную диссертацию и почти договариваются ее отклонить, мол, так не пишут. И тут одному из спорящих приходит в голову: «А может, попробовать писать именно так? Что если это называется...»

Что-то похожее получилось с культурсоциологией и профессором Калифорнийского университета Джеффри Александером. Прежде всего, теория культурсоциологии опровергает банальное представление о взаимоотношениях базиса и надстройки. В отличие от вульгарно-марксистской трактовки, которая подчиняет культурную и духовную надстройку экономическому базису, Александер доказывает, что культура пронизывает все

сферы общества, становится ее невидимым каркасом и опорой, определяет уровень технологической развитости, влияет на взаимоотношения между людьми, становится опорой для развития этики и права, совершенствует нравы.

Брошенное в очереди за ланчем в университетском кафе словечко «культурсоциология» привело к возникновению теории, распространившейся среди гуманитариев весьма широко. Отделения культурсоциологии можно найти в самых разных университетах. Для меня активная роль культуры и является самым главным отличием культурсоциологии от социологии культуры. Вообще, нужно сразу же разобраться в терминах: почему это привычного термина «социология культуры» (sociology of culture) оказывается недостаточно и приходится прибегать к термину «культурсоциология» (cultural sociology)? Ведь понятийные аппараты весьма схожи: «ценности», «коды», «дискурсы»; и тут и там декларируется необходимость тщательного социологического изучения культуры; обе традиции воспринимают «культурный поворот» как ключевой момент в развитии социальной теории.

Однако сходство – поверхностное, а различие – глубинное, и весьма существенное. По мнению Александера, социология культуры «объясняет» культуру, причем в терминах, которые находятся в стороне от смысла. При этом социальная структура воспринимается как «жесткая» переменная, а культура – как переменная «мягкая», становящаяся, включающая порожденные смысловые комплексы, надстройку и идеологию.

Культурсоциология, напротив, исходит из научно понятой культурной автономии, когда культура понимается как важнейший фактор формирования социальной жизни. Дж. Александер называет это «сильной программой» (strong program). Само понятие «сильной программы» появилось в новой области науки, которая на английском называется science studies. В этой области, название которой можно условно перевести как «исследование науки», научные идеи не представляются совокупностью открытий, в которых отражен «объективный реальный мир». Скорее, это культурные представления и языковая интерпретация смыслопорождающей и смыслообразующей деятельности.

Культурсоциология не могла появиться на ровном месте. В гуманитарной науке уже давно ничто не появляется «вдруг». «Сильной программе» предшествуют «слабые программы». Когда формируется новая теория, всегда указывают, что именно ей предшествовало. Культурсоциология не появилась бы, не сложись Бирмингемская школа (удачно реконструировавшая социальные тексты и значимые смыслы), не начини Пьер Бурдьё опираться на качественные и количественные эмпирические исследования в декодировании культурных текстов, не появились выдающиеся работы Мишеля Фуко, продемонстрировавшие «плотные описания» (еще один излюбленный термин Дж. Александера) различных социумов и показавшие, как дискурсы влияют на формирование знания и осмысляют общество и социальную жизнь.

Наконец, очень серьезным шагом в формировании «сильной программы» стали работы Клиффорда Гирца, показывающие, что «культура представляет собой насыщенный и сложный текст, оказывающий тонкое упорядочивающее воздействие на социальную жизнь. В результате появилось притягательное видение культуры как «сетей значимости (webs of significance), направляющих действие» (С. 83).

У истоков зарождения науки вместе с Александром оказался и профессор Филипп Смит, в соавторстве с которым написаны две важные главы упомянутой выше книги: «Сильная программа в культурсоциологии: элементы структурной герменевтики» и «Дискурс американского гражданского общества».

Мне довелось побывать в Вашингтоне на презентации предыдущей книги Джеффри Александера «The Performance of Politics» (2010). Существенную часть этой книги занимает анализ поведения сенаторов Маккейна и Обамы во время избирательной кампании 2008 года. Казалось, речь идет о совершенно никому не нужных вещах: о цвете рубашки Обамы, о его поведении непосредственно после известия о смерти бабушки (а выросшая его бабушка умерла как раз во время избирательной кампании), о знаниях губернатора Сары Пэйлин в области географии (Пэйлин баллотировалась в паре с Маккейном) ...

Однако спокойно и уверенно Александер доказывал: политика становится перформансом все больше и больше. Цвет рубашки, улыбка, шутка кандидата, маршрут поездки – всё сразу же, немедленно сказывается на рейтинге! Культура одежды, культура речи, огрехи и различные оплошности – все влияет на цифры рейтинга буквально на следующий день! Умерла бабушка – Обама меняет маршрут, меняет программу выступлений, срывается и уезжает, но рейтинг только растет: он поступил человечно, душевно – избиратель хочет голосовать за благодарного и совестливого человека, а не за бюрократическую функцию.

Нынешняя книга показывает, как далеко зашла культурсоциология, использующая эстетические формы, как инструменты описания социальной жизни: «...формы нарратива, такие, как моралите или мелодрама, трагедия и комедия, могут пониматься как «типъ», подразумевающие определенные последствия для социальной жизни.

Например, моралите, по-видимому, не предполагает компромисса [1, 2]. Трагедия может породить фатализм [3] и отказ от гражданской вовлеченности (civic engagement), но также может поощрять моральную ответственность [4, 5]. Комедия и любовный роман, напротив, порождают оптимизм и социальную включенность (social inclusion) [6, 7]. Ирония представляет собой мощный инструмент критики авторитетов и размышлений о господствующих культурных кодах, открывающий пространство для различий и для культурных нововведений» [8] (С. 91).

Подобным образом один из сторонников и соратников Джеффри Александера, легендарный историк Хейден Уайт, описывал историческое воображение и историографию, применяя к ним литературоведческую терминологию в своей знаменитой «Метаистории»: «Историческое воображение между Метафорой и Иронией», «Гегель: поэтика истории и путь за пределы Иронии», «Маркс: философская защита истории посредством Метонимии» [9].

Таким образом, до сих пор аристотелевская терминология остается адекватной и порой используется даже при анализе исторических и социологических процессов.

Культурсоциология, как можно убедиться, основывается на глубоком и прочном междисциплинарном фундаменте. Когда же исследователь переходит к конкретным исследованиям, читатель видит, насколько уместно тот применяет каждый из своих многочисленных исследовательских инструментов.

Отдельная глава книги посвящена Холокосту. Исследователи Холокоста сейчас находятся в центре гуманитаристики. Выпускаются журналы и сборники, проводятся конфе-

ренции, созданы авторитетные исследовательские центры и программы. Такая ситуация сложилась не сразу. Американцам понадобилось время, чтобы прийти к осознанию Холокоста как воплощения и символа зла. Поначалу они были дезориентированы донесениями Красной Армии, освободившей Майданек. Слово «зверство» (atrocitiy) поначалу применялось только при описании истязаний американских и тайландских военнопленных в Японии. Когда сообщения о «зверствах» достигли берегов Америки, они взволновали властные круги, некоторые сенаторы и конгрессмены потребовали «сжечь центр Японии огнем!» (Gut the heart of Japan with fire!). Так общественное мнение США было подготовлено к ужасным и бесчеловечным атомным бомбардировкам.

Узники нацистских лагерей, которые были освобождены американцами, по-разному выглядели, и американцы относились к ним по-разному. Выжившие еврейские узники были невероятно измождены, они были на грани жизни и смерти, дурно пахли и рассказывали солдатам невероятные истории. Они и на людей-то не всегда были похожи.

Узники других национальностей подобных историй не рассказывали: дело их не касалось. Освобожденных евреев американцы и особенно англичане содержали в отдельных лагерях, на отвратительном питании, разговаривали и обращались с ними грубо. Герой Второй мировой войны генерал Джордж Паттон даже был с позором переведен на другое место службы из-за того, что к немецким пленникам относился демонстративно лучше и уважительнее, чем к бывшим еврейским узникам, содержавшимся в лагерях для перемещенных лиц.

Газета «Тайм» 8 октября 1945 г. сообщала, что с тех пор как американские солдаты оказались в Германии, «они спутались не только с Fräulein, но и с философией. Многие начали рассуждать о том, что немцы вообще-то нормальные ребята, что их вынудили вступить в войну, что истории о злодеяниях – фальшивка. Знакомство с охочими до солдат немецкими женщинами, со свободолобивой немецкой молодежью привело к забвению Бельзена, Бухенвальда и Освенцима». Наконец, вмешался президент Трумэн и в резкой форме потребовал от генерала Эйзенхауэра навести порядок: «Мы, видимо, обращаемся с евреями так, как с ними обращались нацисты, за исключением того, что мы их не уничтожаем».

Постепенно, шаг за шагом, начало складываться представление о массовом истреблении евреев не просто как о «зверствах», которые происходили повсюду, где оказывался нацистский сапог, но как о «радикальном зле» (radical evil). Воспринятый как культурная травма, нанесенная Гитлером цивилизованному западному миру, Холокост стал трагическим нарративом.

Дж. Александер подробно анализирует, как этот нарратив «придал существенно больший символический вес злу, которое воплощало собой это истребление» (С. 153). Он реконструирует внутренние контуры этой культурной структуры, затем исследует вызванный ею тип «символического действия» и то, как новые смыслы заставили принципиально иначе воспринимать трагедию массового истребления. К восприятию Холокоста автор применяет аристотелевский термин «катарсис». Резня в Руанде, где миллион человек был истреблен за две недели, «расстрельные поля» в Камбодже, поглотившие 3 миллиона из 7-миллионного населения, – теперь человечество знало правильное обозначение для этих массовых истреблений.

Естественным продолжением этой главы является следующая, названная «Культурсоциология зла». В ней речь идет о ценностях и нормах, кодах и нарративах, ритуалах и символах. Александер настаивает на том, что «культуру нельзя понимать только как ценность и норму, которые можно определить, как концептуальные истолкования попыток общества представить добро в символах и нарративах, кодировать и ритуализировать его. В терминах социологии культурализация зла так же важна, как и попытки дать определение добра и институционализировать его» (С. 311).

Блестящим является исследование «“Уотергейт” как демократический ритуал». Напомним: во время избирательной кампании в июне 1972 года представители республиканцев (т.е. симпатизировавшие президенту Никсону) взломали дверь и проникли в штабквартиру Демократической партии. Демократы сразу же заявили во весь голос, что это вполне соответствует моральным представлениям безнравственного президента Никсона и всей его администрации. Казалось, на этом дело закончится.

Однако постепенно скандал разгорался, и культурные представления американцев за исторически кратчайшее время – два года – радикализировались. 75 процентов граждан поначалу рассматривали это дело как политическое. Однако через два года 66 процентов сочли, что проблема вышла далеко за рамки политики. Она поставила под удар демократические основы общества. Эмоции и представления избирателей, превратившись в политическую волю, смели президента Никсона, доведя дело до его «добровольной» отставки.

Исследователь видит в этом «глубочайшую ритуализацию политической жизни», причем ссылается на Дюркгейма, для которого ритуал всегда связан с интенсивными эмоциями. Он Дж. Александер выделяет пять ступеней этического перерождения общества:

- 1) сложилось представление, что событие осквернило американский образ жизни;
- 2) событие стало восприниматься не только как отклонение от нормы, но как угроза осквернения «центра»;
- 3) пришлось задействовать институциональный социальный контроль и инструменты его применения;
- 4) борьба элит и общественных групп привела к созданию общественных «контр-центров»;
- 5) совершился «действенный процесс символической интерпретации, то есть процессы ритуализации и очищения, продолжающие процесс навешивания ярлыков и утверждающие власть символического, сакрального центра общества в ущерб центру, который все больше людей считают лишь структурным, профанированным и нечистым» (С. 422–423).

Наконец, крайне поучительной для педагогов является интерпретация культурного смысла постмодернизма, которую дает профессор Дж. Александер: «Вместо романтики и иронии в постмодернизме пышным цветом расцвела комическая схема. Нортроп Фрай называет комедию высшей уравнильницей (the ultimate equalizer). Поскольку добро и зло нельзя разделить на части, действующие лица – герои и злодеи – находятся на одном и том же нравственном уровне, так что зрители не вовлекаются в действие нормативным или эмоциональным образом, а могут усесться поудобнее и получать удовольствие. Жан Бодрийяр – мастер сатиры и насмешки, а весь западный мир превращается в огромный Диснейленд.

По сути в постмодернистской трагедии избегают даже самого понятия действующих лиц. Не без издевки, но с идеей о новой теоретической системе Фуко объявил о смерти субъекта; Джеймисон канонизировал эту идею, заявив о том, что “подобный род индивидуализма и персональной идентичности ушел в прошлое”. Постмодернизм – это пьеса внутри пьесы, историческая драма, придуманная с целью убедить зрителей в том, что драма умерла и что истории больше не существует. Остается только ностальгия по исполненному символам прошлому» (С. 558–559)

Мне видится огромный научный потенциал в методах и целях культурсоциологии. Она предлагает ракурс, который до сих пор отсутствовал в отечественном педагогическом образовании, не представляющем культуру действенной силой. Работы западных культурсоциологов, переведенные на русский язык, как и работы их российских коллег, ни в коем случае не должны остаться незамеченными.

Список литературы:

1. *Wagner-Pacifici, Robin. The Moro Morality Play. – Chicago: University of Chicago Press, 1986;*
2. *Wagner-Pacifici, Robin. Discourse and Destruction. – Chicago: University of Chicago Press, 1994.*
3. *Jacobs, Ronald. Civil Society and Crisis: Culture, Discourse and the Rodney King Beating // American Journal of Sociology 101 (5): 1238-72.*
4. *Alexander, Jeffrey C. Modern, Post, Anti, and Neo: How Intellectuals Have Tried to Understand the “Crisis of our Time” // New Left Review, 1995, 210:63-102;*
5. *Eyerman, Ron. Cultural Trauma: Slavery and the Formation of African American Identity. – New York: Cambridge University Press, 2001.*
6. *Jacobs, Ronald, & Smith, Philip. Romance, Irony and Solidarity // Sociological Theory, 1997, 15 (1): 60-80;*
7. *Smith, Philip. The Semiotic Foundation of Media Narratives: Saddam and Nasser in the American Mass Media // Journal of Narrative and Life History. – 1994. – Vol. 4. 1-2:89-118.*
8. *Smith, Philip. Executing Executions: Aesthetics, Identity and the Problematic Narratives of Capital Punishment Ritual // Theory and Society, 1996. Vol. 2. 2:235-261.*
9. *Уайт, Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века : пер. с англ. / Х. Уайт ; под ред. Е. Г. Трубиной и В. В. Харитоновой. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002.*

Интернет-журнал
«Проблемы современного образования»
2013, № 4